

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

ЖИЗНЬ КОРОТКА

Звезды классического детектива

Джеймс Чейз

Жизнь коротка

«Азбука-Аттикус»

1951

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Жизнь коротка / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1951 — (Звезды классического детектива)

ISBN 978-5-389-18741-2

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, прославился в жанре «крутого» детектива. Он вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Постоянно менял работу и испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом по распространению книг, основательно изучив книжный бизнес изнутри. Впоследствии он с иронией вспоминал: «...Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов... И столько пришлось мокнуть под дождем, что сейчас никто не в силах заставить меня выйти из дома в сырую погоду...» За полвека писательской деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18741-2

© Чейз Д. Х., 1951
© Азбука-Аттикус, 1951

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	33
Глава восьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джеймс Хедли Чейз

Жизнь коротка

James Hadley Chase
BUT A SHORT TIME TO LIVE

Copyright © Hervey Raymond, 1951

All rights reserved

© Т. А. Шушлебина, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Глава первая

Смущенно улыбаясь, толстуха взяла у Гарри визитную карточку.

«Жаль, что она совсем не следит за собой», – подумал он.

Неухоженные волосы выбились из-под шляпки, которая совсем не шла этой женщине, тяжелый и усталый взгляд, лицо блестит, словно она только закончила готовить какое-то неаппетитное варево. Но казалось, ей было приятно, что ее сфотографировали, и женщина внимательно изучила визитку, прежде чем положить ее в сумочку.

– Я вас даже не заметила, – сказала она. – Наверняка я выйду настоящим пугалом.

– Все нет, – ответил Гарри. – Снимки получаются намного лучше, когда люди не знают о том, что их фотографируют. Фотография будет готова завтра к полудню. Покупать не обязательно, но надеюсь, вы все-таки зайдете взглянуть.

– О да, зайду, – заверила женщина. – Ведь Линк-стрит – это недалеко от театра Палас?

– Верно. Первый поворот налево, когда идете по Олд-Комптон-стрит.

Женщина поблагодарила Гарри и улыбнулась. Остатки былой привлекательности проявились словно на поднесенном к свету диапозитиве, и, уходя, она начала поправлять выбившиеся пряди.

Это была последняя на сегодня фотография. Слава богу, подумал Гарри, вынул пленку, положил ее в металлическую коробочку и сунул в карман. Он замерз и устал. Провести на ногах четыре часа кряду, может, и неплохо, когда светит солнце и люди фотографируются с удовольствием, но сегодня над Вест-Эндром нависли тяжелые тучи и дул холодный восточный ветер.

Люди двигались равномерным потоком из конца в конец Риджент-стрит, сегодня они были явно не в настроении сниматься: некоторые бросали на Гарри и его камеру сердитые взгляды и отказывались брать визитки или же попросту выкидывали их, бегло прочитав текст. Он сделал больше сотни снимков и решил, что будет неплохо, если хотя бы четверть из них найдет своих покупателей.

Убрав фотоаппарат в чехол, Гарри задумался, чем бы ему теперь заняться. Он мог пойти в свою комнату на Лэннок-стрит за Слоан-сквер, или вернуться в студию и выслушивать жалобы и стенания Муни о том, как скверно идут дела, или же направиться в паб и почитать вечернюю газету. Ему нравились пабы. Нравилось устраиваться в уголке с пинтой пива, наблюдать и слушать. Чего только не услышишь и не увидишь в пабах Вест-Энда! До него доносились обрывки загадочных разговоров, и он развлекался тем, что угадывал, кто эти люди, чем зарабатывают, женаты ли, где живут – в меблированных комнатах, как он, или в собственных домах. Он обнаружил, что если посидеть подольше и приглядеться повнимательнее, то можно довольно много выведать об окружающих, а ему нравилось узнавать людей. К тому же заняться все равно было нечем – во всяком случае, на те шесть фунтов в неделю, из которых сорок шиллингов уходило за комнату и завтрак.

Гарри постоял на краю тротуара, ожидая, пока для машин загорится красный. В нем не было ничего примечательного. Видавшая виды твидовая спортивная куртка, старые фланелевые брюки и темно-синяя рубашка. Ему исполнилось двадцать четыре, он был крепкого сложения, широкоплечий. Большие серые глаза смотрели приветливо, полные губы говорили о добродушии. Коротко стриженные, чуть вьющиеся светлые волосы, лицо от постоянного шатания по улицам приобрело стойкий загар. Гарри можно было принять за студента-медика, и люди, которых он фотографировал, часто смотрели на него с любопытством, словно удивляясь, почему такой парень не подыщет себе занятие получше, чем торчать на углу и снимать прохожих.

Когда машины остановились, он перешел Риджент-стрит и не спеша побрел по Гласхаус-стрит, где купил вечернюю газету. Гарри еще замедлил шаг, изучая первую полосу. Угрозы новой войны и забастовка докеров оставили его совершенно равнодушным. Он обратил внимание на колонку о грабеже на Шафтсбери-авеню и затем с головой погрузился в двухстраничную статью, где рассказывалось о последнем слушании по делу о громком убийстве. Не отрываясь от газеты, Гарри толкнул вращающуюся дверь паба под названием «Герцог Веллингтон» на Брюэр-стрит. Ему нравился «Герцог Веллингтон»: там всегда была приятная домашняя атмосфера и отличное пиво – наверное, лучшее в Лондоне.

Заказав пинту горького, Гарри придвинул табурет, сел и продолжил читать. «У этого парня никаких шансов, – подумал он. – Разве присяжные поверят в такую чушь? Да это не убедит даже ребенка!»

Он дочитал до конца, пролистал газету до колонки последних известий, чтобы узнать, не пишут ли об этом еще чего-нибудь, и потом взял кружку. Пена хорошо осела; вытянув ноги, Гарри принялся смаковать пиво.

Бар был полон: голоса сливались в неумолчный гул, прерываемый лишь пронзительными звонками кассового аппарата, звяканьем кружек на барной стойке и шарканьем ног. Гарри сложил газету и прислонился спиной к стене, рискованно наклонив табурет. Он с надеждой обвел взглядом посетителей. Завсегдатаи были на месте.

Трое мужчин в пальто и черных фетровых шляпах сидели в углу, потягивая виски, и о чем-то шептались. Они приходили сюда каждый вечер примерно в это время – загадочная компания. Гарри ни разу не удалось расслышать хотя бы слово из их разговора, и он понятия не имел, кто они и чем занимаются.

За соседним столиком сидел невзрачного вида мужчина и его разбитная жена, они пили портвейн. Гарри было кое-что о них известно. Они прибирались в нескольких офисах на Риджент-стрит, и женщина всегда пыталась подбодрить мужа. Того мучила язва, и, казалось, приободриться ему было просто необходимо.

Еще бар часто посещала пожилая пара, муж с женой, добродушно пререкающиеся насчет собачьих бегов. Был здесь и грузный мужчина, который утомлял двух своих приятелей политическими теориями; и молодой человек с девушкой – занятые исключительно друг другом, они сидели в углу и пили бренди. Девушка была плоскогрудой и некрасивой, она держала молодого человека за руку, словно боясь отпустить, и едва ли вымолвила хоть слово, пока молодой человек не переставая бубнил низким голосом и все время размахивал свободной рукой, будто пытаясь убедить свою спутницу сделать что-то против воли.

Гарри оглядел все эти лица без всякого энтузиазма. Ему хотелось найти кого-нибудь новенького, кто мог бы его заинтересовать. Он даже привстал на перекладине табурета и посмотрел поверх голов посетителей, толпившихся у стойки, на людей, сидевших за столиками у дальней стены. И тут он заметил ее – самую привлекательную девушку из всех, каких встречал.

Девушка показалась ему прекраснее любой кинозвезды. Густые иссиня-черные волосы волной опускались ей на плечи. Шляпки на ней не было. Блузка небесно-голубого цвета с высоким воротничком выглядела так безукоризненно, словно ее надели сию секунду. А черная плиссированная юбка была не слишком длинной и не слишком короткой, являя собой удачный компромисс между старым и «новым стилем»¹.

Он все еще стоял на перекладине табурета, пожирая красотку глазами и думая о том, что именно с такой девушкой хотел бы встречаться, будь у него много денег. Как полагал Гарри, чтобы пригласить куда-нибудь столь элегантную особу, нужно располагать целым состоянием. Не было ни малейшей надежды, что она согласится пойти в какой-нибудь старый ресторанчик,

¹ «New Look», или «Новый стиль» – название коллекции Кристиана Диора 1947 г. (Здесь и далее примечания переводчика.)

или поехать на автобусе, или отправиться в кино за три шиллинга и шесть пенсов. Конечно, она достойна самого лучшего. Нечего было и думать, что она заинтересуется уличным фотографом, который пытается заработать себе на кусок хлеба. И Гарри вздохнул.

«Но что она забыла в таком пабе, как „Герцог Веллингтон“? – с удивлением раздумывал он. – Не то чтобы это совсем дыра, а вполне милое местечко, но все же „Герцог“ не подходит для такой девушки».

Потом Гарри заметил, что красавица пьет виски, и это его просто шокировало. А ее спутник, которого заметил Гарри, вовсе не тянул на благородного Стюарта Грейнджера²; напротив, это был толстый и немолодой коротышка, пьяный чуть ли не до бесчувствия.

Садясь на табурет, Гарри подумал, что тут может крыться загадка, достойная его пристального внимания. Кто этот мужчина? Кто эта девушка? Что их связывает? Что они здесь делают? И когда Гарри начал прикидывать, как бы ему перебраться поближе, чтобы услышать хоть слово из их беседы и попробовать получить ответы на все эти вопросы, кто-то внезапно пошатнулся и опрокинул его пиво.

Удивившись, Гарри повернулся и оказался лицом к лицу с пожилым толстяком, о котором только что думал.

– Дорогой мой сэр, – произнес толстяк, сжимая плечо Гарри, – приношу свои глубочайшие извинения. Я правда ужасно виноват.

– Все в порядке, – бодро заверил его Гарри. – Бывает. Там оставался-то всего глоток, ничего страшного.

– Очень любезно с вашей стороны так отреагировать, – ответил толстяк, тяжело дыша. – Но вы должны разрешить мне заказать вам выпить. Это меньшее, что я могу сделать. Чего желаете?

– Нет, спасибо, все в порядке, – поспешно возразил Гарри. – Я и это не собирался допивать. Правда, все нормально.

Толстяка это, казалось, задело. Он поднял свои налитые кровью глаза и уставился на Гарри.

– Знаешь, не нужно от меня так отмахиваться, – засопел он. – Нельзя ходить и опрокидывать чужие напитки. Мне было бы неприятно, если бы такое случилось со мной. Выпей виски. Ничто так не укрепляет дружбу, как виски. – И он затопал к стойке, чтобы окликнуть бармена. – Двойной виски с содовой для этого джентльмена! – потребовал он, когда бармен с удивлением посмотрел на него.

– Спасибо, – произнес Гарри, пытаясь высвободить плечо, которое снова сжимала горячая рука толстяка. – Не стоило беспокоиться. Это была простая случайность.

– Нет, не случайность, – сказал толстяк и, понизив голос, продолжил: – Только между нами. Думаешь, я маленько перебрал?

Гарри колебался. Ему не хотелось ни обижать, ни сердить толстяка. Ведь никогда не знаешь, что у пьяного на уме.

– Не мне судить, – сказал он осторожно. – Возможно, вам достаточно. Давайте так считать.

Толстяк явно был доволен. Слова Гарри, по-видимому, подтвердили его собственное мнение, и ему было приятно узнать, что он верно оценивает свое состояние.

– Ты прав, – сказал он, похлопав Гарри по плечу. – Мне нравится парень, который говорит правду, когда его спрашивают. Проблема в том, что ей недостаточно. – И он кивком указал на столик у стены. – Современные девчонки умеют пить, – продолжил он, понизив голос. – Знаешь, мне уже приходилось сталкиваться с такими штучками. Почему бы тебе не присоединиться к нам? Тогда я смогу пропустить еще разочек-другой. Ты ведь не возражаешь?

² Популярный в 1940–1950-е гг. английский киноактер.

– Я-то не возражаю. Но вот она может быть против. Вдруг ей не понравится, что я присоединюсь к вашей компании? – ответил Гарри.

– Чепуха, – сказал толстяк. – Она хорошая девочка. Ты ей понравишься. Бери виски и пойдем. А я с удовольствием обопрюсь о твою руку. Я не так твердо держусь на ногах, как хотелось бы.

Гарри взял стакан и подхватил толстяка под руку.

– Так нормально? – спросил он, приходя в волнение при мысли о незнакомке.

– Отлично, – ответил толстяк, подмигнув. – Меня зовут Уингейт. Сэм Уингейт. А тебя? Гарри представился.

– Ну теперь мы знаем, что к чему, – рассудил Уингейт. – Уикс, да? Ладно, Уикс, идем.

– Рикс, – поправил Гарри. – Гарри Рикс.

– Так и есть – Уикс. Теперь идем. Шагаем твердо. Держимся прямо. Двинулись.

И они пустились в короткое, но рискованное путешествие от барной стойки к столику у стены, за которым сидела девушка.

Глава вторая

Спутницу Уингейта звали Клэр Долан. Девушка сидела не шевелясь, нога на ногу, положив один локоть на стол, и не отрывала глаз от барной стойки вдали. Казалось, она не замечала приближавшейся парочки.

– Это мистер Уикс, – сказал Уингейт, тяжело опускаясь рядом с ней. – По правде говоря, малышка, я привел его сюда, потому что он скучал в одиночестве. Если он тебе не нравится, мы всегда можем его отослать, но я подумал, что ты не станешь возражать. Он симпатичный молодой человек, а я был таким неуклюжим и опрокинул его бокал.

Клэр быстро взглянула на Уингейта и, ничего не сказав, вновь отвела глаза.

Гарри сконфуженно стоял перед ней. Поведение Клэр и ее скупающее выражение лица смутили его.

Он хотел уйти, но опасался, что Уингейт устроит сцену.

– Боюсь, мое вторжение... – начал он, нервно теребя галстук.

– Чепуха! – громко произнес Уингейт. – Садись, старина. Я же говорил, что она будет рада знакомству, так оно и есть, правда, дорогая?

Клэр пристально посмотрела на Гарри.

– Конечно, я польщена, – съязвила она. – Но полагаю, что у мистера Уикса найдутся дела поважнее, чем беспокоиться о нас.

Гарри густо покраснел.

– Меня зовут Рикс, – сказал он, подумав, что, по крайней мере, должен представиться. – Гарри Рикс. Я пойду, если вы не возражаете. Спасибо за виски, – обратился он к Уингейту. – Приятного вечера.

– Черта с два! – воскликнул Уингейт, делаясь пунцовым и пытаясь подняться. – Ты даже не пригубил виски. В чем дело? Не по вкусу? Черт возьми! Или ты сядешь, или я выйду из себя, сам увидишь!

Взгляды всех посетителей устремились на них.

– Да сядь же ты и заставь его заткнуться! – сердито прошептала Клэр. – Мне не нужна сцена!

Гарри смущенно сел, чувствуя, как его бросило в жар, и Уингейт тут же расплылся в улыбке, похлопав его по плечу.

– Так держать, старина, – сказал он, садясь. – Поболтай с малышкой. Что-то голова разболелась. Извините меня. Развлеки ее, пока я вздремну. – Он вытер лицо носовым платком. – Сказать по правде, я слегка перебрал. Присмотри за ней, а я закрою глаза.

И он действительно закрыл глаза, покачиваясь на стуле так, словно в любую минуту мог отключиться.

Презрительно взглянув на толстяка, Клэр повернулась к нему спиной и оказалась лицом к лицу с Гарри.

– Прости, что так вышло, – тихо сказал Гарри. – Я не думал навязываться. Извини, что встрял. Я вовсе не собирался этого делать.

Она нетерпеливо пожалала плечами:

– Все в порядке. Если этот старый дурак не придет в себя сию же секунду, я уйду. – И она впилась глазами в барную стойку, словно это был единственный достойный ее внимания предмет.

Несмотря на скупающий, угрюмый вид девушки, Гарри все же считал ее восхитительной, и даже столь холодный прием не испортил ему удовольствия сидеть с ней за одним столиком.

– Могу я тебя чем-нибудь угостить? – спросил он, увидев, что ее стакан пуст.

– Нет, спасибо, – ответила Клэр, не глядя на него. – Нет необходимости поддерживать разговор, так что, пожалуйста, не старайся.

– Я и не собирался, – сказал Гарри, слегка рассердившись.

Несколько минут они сидели молча, пока Уингейт тихо похрапывал, покачиваясь на стуле.

Гарри изучал лицо девушки, пытаясь придумать, как пробиться сквозь это скучающее безразличие. Нелепо было сидеть с такой красавицей и ни о чем с ней не разговаривать. Его пристальный взгляд раздражал Клэр, и она резко обернулась, нахмурившись.

– Разве можно так пялиться? – вскинулась она. – Ты совсем не умеешь себя вести?

Гарри улыбнулся.

– Наверное, – сказал он. – Но знаешь, тобой стоит любоваться, а делать здесь все равно больше нечего.

– Ой, замолчи! – сердито ответила она и отвернулась.

Внезапно его осенило, и он тихо, словно размышляя вслух, произнес:

– «Она идет во всей красе – светла, как ночь ее страны. Вся глубь небес и звезды все в ее очах заключены»³.

Клэр не пошевелилась, не повернулась, но вскоре он услышал сдерживаемый смех.

Ободренный этим, Гарри сказал:

– Не думаю, что мы когда-нибудь встретимся снова, поэтому ты, возможно, не будешь возражать, если я скажу, что ты самая красивая девушка из всех, кого я видел.

Клэр повернулась, чтобы посмотреть на него.

– Ты, должно быть, дурак, хуже того – дурак сентиментальный.

Но он заметил, что холодное, скучающее выражение в ее глазах уступило место легкой заинтересованности.

– Разве это так глупо – назвать тебя красивой? – спросил Гарри. – Ну и пусть, если это правда.

Она взглядела в него внимательнее. Он относился к тем мужчинам, которые уже исчезли из ее жизни: бедный юноша с приятной, милой улыбкой и без привычного горячего вождения в глазах, не скрываемого с первых же минут знакомства. В отличие от окружавших Клэр паразитов мужского пола, одетых в пиджаки с подбитыми плечами и в крикливых галстуках, этот парень был одет довольно скромно. Она отметила, какие ясные у него глаза, какая чистая кожа и белые зубы, и почувствовала, что неприязнь уступила место симпатии.

– Как, ты говорил, тебя зовут? – спросила она.

– Гарри Рикс. А тебя?

Она нахмурилась, не зная, стоит ли называть свое имя, затем холодно произнесла:

– Думаю, это не твое дело, но раз уж тебе непременно надо знать, меня зовут Клэр Долан.

– Я так и думал, что у тебя должно быть какое-нибудь такое имя, – сказал Гарри, не упуская шанса снискать ее расположение. – Я одно время изучал значения имен. Ты слышала, что Клэр – это «яркая» и «знаменитая»?

Она сердито посмотрела на него:

– Кого ты пытаешься одурачить?

– Я не дурачу тебя, у меня дома есть книга. Я могу дать тебе, если хочешь.

– Не хочу, – оборвала она его.

Они помолчали, и затем он спросил:

– Ты здесь часто бываешь?

³ Первые строчки стихотворения Дж. Г. Байрона «Она идет во всей красе». Перевод С. Я. Маршака.

Клэр ответила отрицательно. Она действительно заходила сюда всего однажды – во время «Большого блица»⁴. Заговорили о бомбардировках, и Гарри сказал, что, до того как пойти в армию, он участвовал в противовоздушной обороне и дежурил в убежище, которое располагалось всего в трехстах ярдах отсюда. Это была одна из причин, почему он сделался завсегдатаем «Герцога Веллингтона». Каждый вечер во время «Блица» он с товарищем заходил сюда выпить пива перед началом ночного дежурства.

– Вошло в привычку, – сказал Гарри, с удовольствием отметив, что девушка проявляет интерес к его словам. – Здесь приятно, к тому же кое-какие воспоминания. – Он восхищенно посмотрел на нее. – А что ты делала во время войны?

– Да ничего, – ответила Клэр, пожав плечами и вспомнив о том, как она шаталась по Вест-Энду с американскими офицерами, пила их виски, танцевала и боролась с ними в такси. Она усмехнулась. – Разве девушка способна делать что-то важное? К тому же я была слишком юной.

Гарри знал девушек, которые делали гораздо больше, чем он, и они тоже были совсем юными. Одна из них отправилась во Францию, попала в гестапо, и ее расстреляли. Но конечно, и помыслить невозможно, чтобы такая красавица, как Клэр, стала дежурить в убежищах, или сносить муштру в Королевской женской службе ВВС или в Женском корпусе, или выполнять грубую работу на фабрике. Некоторые девушки это могут, но не Клэр. Гарри считал, что так и должно быть.

Вдруг раздался какой-то нестройный звук. Уингейт очнулся от дремоты и решил, что пора выпить. Он сунул руку в карман и обнаружил, что бумажник исчез.

– Вы что-то потеряли? – спросил Гарри, желая, чтобы Уингейт снова заснул.

Уингейт не ответил. Вместо этого он поднялся и выложил на стол все содержимое карманов. Он стал ощупывать одежду с нарастающей тревогой.

– Меня ограбили! – завопил он. – Бумажник исчез!

Две девушки у стойки бара, бармен, джентльмен и его бойкая женушка, а также три загадочных господина в шляпах уставились на Уингейта.

Гарри почувствовал, как краска заливает лицо. Он был достаточно молод и чувствовал стыд, оказавшись участником подобной сцены, к тому же он понимал, что все вокруг смотрят на него подозрительно.

– Ограбили! – вопил Уингейт и, повернувшись к Гарри, напустился на него: – Ну ладно, приятель, шутка есть шутка, но это зашло слишком далеко. Отдавай, или я пошлю за полицией!

– Отдавать что? – спросил Гарри, густо покраснев.

– Мой бумажник! – крикнул Уингейт. – Верни его, и я больше слова об этом не скажу. Там пятьдесят фунтов, и я не собираюсь их терять!

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – произнес Гарри, растерянно и смущенно поднимаясь из-за стола. – Я не брал ваш бумажник!

Из-за стойки появился бармен. С хмурым выражением на грубоватом лице он подошел и встал рядом с Уингейтом.

– Итак, – произнес он. – Из-за чего весь этот шум? Чем вы недовольны?

Уингейт был рад его появлению. Толстяк плохо себя чувствовал, голова кружилась, а потеря бумажника была настоящей катастрофой. Дрожащим пальцем он показал на Гарри:

– Этот молодой человек украл мой бумажник. Пусть он его вернет.

Бармен с подозрением посмотрел на сконфуженное лицо Гарри:

– Ладно, сынок, давай не будем устраивать неприятности. Покончим с этим здесь и сейчас.

– Но у меня его нет, – объявил Гарри. – Он же пьян. Разве вы не видите?

⁴ Германская бомбардировка Великобритании в 1940–1941 гг.

– И это его благодарность! – взвыл Уингейт. – Я пригласил этого молодого человека за свой столик, а он ограбил меня, да еще говорит, что я пьян. Позовите полицейского.

– Хорошо, хорошо, – поспешно сказал бармен. – Нам не нужны проблемы. Вы трое, проследуйте сюда. Скоро выясним, что к чему. Давайте. Проходите.

Одной рукой он схватил за плечо Гарри, другой Уингейта и кивнул Клэр, провояая всех троих в помещение за стойкой. Там их встретил управляющий: его деланая улыбка исчезла при первом же намеке на неприятности.

– Джентльмен говорит, что этот парень украл у него бумажник, – сказал бармен, указав кивком на Уингейта, а большим пальцем на Гарри.

Управляющий вышел из-за стола.

– А это кто? – спросил он, глядя на Клэр.

– Она с джентльменом, – объяснил бармен, окинув Клэр восхищенным взглядом.

Управляющий, казалось, тоже был очарован. Он придвинул стул и пригласил девушку сесть.

– Ладно, Боб, – обратился он к бармену, когда Клэр села, – постой у двери, пока я разберусь с этим.

Когда Боб занял позицию у двери, управляющий попросил Уингейта изложить суть дела.

– У меня пропал бумажник, – сказал Уингейт. Он был бледен, его трясло. – Я разговаривал с этим парнем, которого вижу впервые, и через минуту-другую обнаружил, что бумажник исчез. А в нем было пятьдесят фунтов.

Управляющий пристально посмотрел на Гарри, но тот уже оправился от смущения и начинал сердиться. Управляющему Гарри понравился: непохоже было, что это карманник, совсем не тот тип, – и управляющий решил быть вежливым. Он довольно часто видел парня в баре и не хотел потерять постоянного клиента, если этого можно было избежать. А вот Уингейта он никогда раньше не видел и заметил, что толстяк плохо соображает, а это не облегчало задачу.

– Я ничего не знаю о его бумажнике, – объявил Гарри, вновь заливаясь краской. – И могу это доказать!

Прежде чем кто-либо успел его остановить, он выложил содержимое своих карманов на письменный стол. Он поступил точно так же, как несколько минут назад Уингейт, вываливший свое имущество на столик в баре.

Управляющий, бармен и Клэр теперь с интересом смотрели на предметы, которые представляли собой весьма пестрое собрание. Пачка визиток «Вас только что сфотографировали», три металлические коробочки с пленками, носовой платок, перочинный нож, недоеденная сдобная булочка, крошки от съеденной половины, три полукроны и кусок веревки.

Изучив эту коллекцию, управляющий с сомнением покачал головой, посмотрел на Уингейта и спросил, удовлетворен ли тот.

Уингейт побледнел еще больше, облизал сухие губы и внезапно набросился с обвинениями на Клэр.

– Значит, это она стащила! – воскликнул он. – Либо тот, либо другой. Я... я подхватил эту девицу на Риджент-стрит. До этого никогда ее не видел. Это она предложила пойти сюда, а он ее тут поджидал. Вот что! Они работают вместе. Он взял мой бумажник и передал ей.

Клэр поднялась. Она была удивлена, и казалось, вот-вот рассмеется. Девушка подошла к Гарри и встала рядом с ним, глядя на Уингейта.

– Стало быть, мы работаем вместе? – спросила Клэр. – Да это смешно! Ты же сам опрокинул его пиво и привел парня за наш столик. Может, стоило придумать что-нибудь получше, чем эта чушь?

– Ну хватит, – вступился управляющий, сурово глядя на Уингейта. – Вы не можете голословно обвинять всех подряд. Вы только что заявили, что молодой человек взял бумажник. Но это не так. Вам стоит быть осторожнее.

Уингейт стукнул кулаком по столу:

– Я хочу вернуть свой бумажник! Если не он его стащил, значит она!

– Будьте осторожнее, – обратилась к управляющему Клэр, – а то окажетесь следующим подозреваемым. Что ж, я могу его успокоить. – И несмотря на протесты управляющего, открыла свою сумочку и вытряхнула все, что там было, на стол, рядом с содержимым карманов Гарри.

Теперь наступил черед Гарри любопытствовать. Золотая пудреница и под стать ей портсигар, золотая зажигалка, авторучка и чековая книжка, несколько фунтовых банкнот, много серебряных монет, гребень, носовой платок, губная помада в золотом футляре, связка ключей.

Повисло долгое и тяжелое молчание, затем Клэр бодро предложила:

– Я могу раздеться, если он этого желает. Я просто хочу, чтобы он успокоился.

Управляющий покраснел, а бармен перестал хмуриться и выжидающе смотрел на Клэр.

– В этом нет никакой необходимости, – торопливо заверил ее управляющий. – Все в порядке, мисс. Это наверняка недоразумение. – Он обратился к Уингейту холодным и недружелюбным тоном: – Когда вы в последний раз доставали бумажник?

Уингейт тяжело сел. Он выглядел старым, немощным и совершенно бестолковым.

– Я не знаю. Не могу вспомнить.

– Вы вынимали его из кармана, пока были в баре? – спросил управляющий. – Ну давайте же, сэр. Подумайте хорошенько. Вы платили за напитки монетами, которые были в кармане, или банкнотой?

Уингейт признался, что не вынимал купюры из бумажника, пока был в баре.

– Значит, вы запросто могли выронить бумажник или оказаться жертвой воров до того, как пришли сюда, – сказал управляющий, довольный своими выводами.

Пока все это тянулось, Гарри начал рассовывать по карманам свои вещи, и Клэр последовала его примеру.

– Красивая вещица, – заметил Гарри, когда она убирала золотой портсигар.

– Да, ничего, – сказала она, улыбнувшись. – Угощайся. – И протянула ему сигарету.

Гарри взял сигарету, и Клэр поднесла зажигалку, при этом посмотрев ему прямо в глаза.

– Если не возражаете, – произнес управляющий, – я хотел бы вернуться к своей работе.

Гарри вздрогнул и озадаченно посмотрел на него. Он так увлекся, что позабыл, где находится.

– Простите, – с улыбкой произнесла Клэр. – Полагаю, мы теперь можем идти или он все еще хочет послать за полицией?

– Конечно можете, – сказал управляющий. – Примите мои извинения. Я очень не люблю, когда подобное случается в моем заведении, и надеюсь, вы будете и впредь приходить сюда. Мы всегда вам рады.

– Спасибо, – ответила Клэр.

Уингейт, ошеломленно следивший за всем этим, сделал попытку собраться с мыслями.

– Послушай-ка, малышка... – промямлил он, но Клэр пропустила это мимо ушей.

Она обратилась к Гарри:

– Что ж, идем. Он думает, мы работаем вместе, так что поддержим иллюзию. – И к удивлению Гарри, Клэр взяла его под руку и повела к выходу.

Бармен распахнул перед ними дверь с нарочитой почтительностью и подмигнул Гарри. Когда они выходили, Уингейт пробормотал:

– Эй! Пойдите. Я хочу извиниться...

Но они не обернулись и через зал вышли на улицу.

Затем Гарри и Клэр остановились и посмотрели друг на друга. Его мучила мысль, что через несколько секунд они расстанутся и, возможно, никогда больше не встретятся.

– Мне ужасно жаль, что все так вышло, – произнес Гарри, сунув руки в карманы и пиная носком ботинка поребрик. – Это моя вина. Мне не следовало встречать.

– Все в порядке, – ответила Клэр.

И тут Гарри заметил в ней перемену. Она больше не улыбалась, и казалось, он ей слегка наскучил.

– Старый дурень был пьян. Лучше нам побыстрее уйти отсюда. Я не хочу его больше видеть.

– Да, – произнес Гарри невпопад. – Что ж, тогда мне следует сказать «прощай».

По-прежнему не улыбаясь, с холодным взглядом, Клэр подступила к нему и протянула руку.

– Прощай, – отрывисто произнесла она.

Гарри пожал ее руку, и в эту секунду Клэр будто бы споткнулась и ухватилась за его куртку, чтобы не упасть. Гарри почувствовал, как его слегка дернули за карман. Он отступил на шаг, и вдруг что-то упало на мостовую к его ногам. Клэр проворно нагнулась, что-то подняла и ловким движением сунула в сумочку. Но Гарри успел заметить потертый кожаный бумажник.

Они стояли, глядя друг на друга.

– Это... это выпало из моего кармана, – сказал Гарри.

– Правда? – спросила она, не отводя от него взгляда.

– Значит, это все-таки ты взяла бумажник, – произнес Гарри. – И положила мне в карман, а им показала сумочку.

Клэр закусила губу, с тревогой посмотрела на крутящиеся двери «Герцога Веллингтона», а потом опять на Гарри.

– Да, именно так, – вдруг сказала она. – Я взяла бумажник, чтобы проучить старого дурака. Я собираюсь вернуть его. Ты же не думаешь, что я воровка?

Гарри был потрясен и не знал, что и думать, но все же сказал:

– Да нет же, нет. Но... черт, тебе не следовало его брать. Ведь там же пятьдесят фунтов...

– Сама знаю, – ответила она и вновь с опаской покосилась на двери. – Слушай, давай уйдем отсюда. По дороге я все тебе объясню.

– Но ты должна вернуть бумажник, – возразил Гарри, не трогаясь с места. – Нельзя же уйти с его пятьюдесятью фунтами!

– Я не могу вернуть бумажник, пока он пьян, – нетерпеливо ответила она. – Неужели ты сам не понимаешь? Он сдаст меня в полицию. – Она неожиданно взяла Гарри под руку. – Я знаю его адрес. Бумажник ему пошлю. Пойдем ко мне. Поговорим.

– К тебе? – удивился он.

Она улыбнулась ему:

– Почему бы и нет? Это недалеко. Ты что, не хочешь?

– Нет, хочу, – сказал Гарри, принаравливаясь к ее шагу. – Но ты уверена, что нам следует оставить его без денег?

– Я пошлю ему их завтра, – сказала она и вновь бросила тревожный взгляд на дверь «Герцога Веллингтона». – Пойдем ко мне, и я расскажу тебе, как это случилось.

Он последовал за ней по Гласхаус-стрит в сторону Пикадилли.

Глава третья

Пока они шли сквозь толпу на Пикадилли, Клэр все время старалась поддерживать разговор, отвлекая Гарри от мыслей о бумажнике. Она бодро шагала, взяв его под руку и не позволяя ему замедлить шаг. Если бы у Гарри было время подумать, он понял бы, что Клэр стремится поскорее уйти подальше от «Герцога Веллингтона». Но Клэр не давала ему возможности ни подумать, ни расспросить про бумажник.

– Где ты живешь? – спросила она, отбрасывая с лица густые волнистые волосы и глядя на него так, словно ей и правда было интересно.

– У меня комната в пансионе на Лэннок-стрит, эта улица примыкает к Слоан-сквер, – ответил Гарри.

– А у меня квартира на Лонг-Акре. Тебе понравится. – На ее губах мелькнула улыбка. – У тебя есть девушка?

– А... что? – уставился на нее Гарри.

– Девушка. Кто-нибудь, с кем ты встречаешься.

– Да нет. Конечно, у меня есть знакомые, но постоянной подруги нет.

– А я подумала, что должна быть. Как ты там обо мне говорил? Что-то вроде «идет во всей красе»...

– «Она идет во всей красе – светла, как ночь ее страны. Вся глубь небес и звезды все в ее очах заключены». Красиво, правда?

– Могу поклясться, ты говорил это уже не одной девчонке.

– Вовсе нет. Я учил это в школе и вспомнил, только когда увидел тебя. Почему-то это тебе подходит.

– Неужели? А ты забавный. – Клэр дотронулась до фотоаппарата, который висел на его плече. – Фотографируешь?

– Да. – Гарри обдало жаром при мысли о том, что Клэр узнает, как он зарабатывает на жизнь.

– Какой маленький фотоаппарат. Это «лейка»?

Он ответил утвердительно.

– У моего друга была «лейка», – продолжила Клэр. – Он постоянно приставал, чтобы я позировала ему обнаженной. А ты когда-нибудь снимал обнаженку?

Гарри покачал головой.

– Не могу найти модель, – ответил он, улыбаясь.

– Девчонок теперь так просто не проведешь, – сказала она. – Одно ведет к другому, ведь так?

– Совершенно не обязательно.

– Не обязательно, но девушка не способна быть слишком осторожной. – Она остановилась, чтобы открыть сумочку. – Мы пришли. Моя квартира над этим магазином.

Они стояли у ателье мужской одежды, и Гарри взглянул на витрину. Безупречные костюмы, надетые на манекены, внезапно напомнили ему о собственном неказистом виде.

– К сожалению, я в рабочей одежде, – сказал он. – Надеюсь, ты не возражаешь.

Клэр нашла ключ и открыла дверь рядом с входом в ателье.

– Не будь идиотом, – бросила она. – Мне нет никакого дела до того, что на тебе надето. Входи. Нам навстречу.

Гарри последовал за ней по лестнице и не смог удержаться, чтобы не полюбоваться стройными, словно у кинозвезды, ножками Клэр. И тут она обернулась, будто прочитав его мысли, и скорчила гримасу.

– Нравятся? – спросила она. – Многим мужчинам нравятся.

Гарри так удивился, что покраснел.

– Они прекрасны. А ты что, ясновидящая?

– Я просто знаю мужчин. Когда мужчина поднимается вслед за мной по лестнице, он пытается разглядеть больше чем следует. Это не мои догадки. Просто именно так все и поступают.

Она остановилась у двери, открыла ее тем же ключом и вошла в просторное помещение, которое, по мнению Гарри, являло собой верх роскоши. Комната была обставлена удобно и со вкусом: два больших кресла, канапе, диван, созданные для максимального комфорта. Они были покрыты желтовато-коричневым плюшем с алым рисунком. В эркере стоял большой стол, радиола, искусно сделанный бар. Несколько репродукций сельских пейзажей Ван Гога на стенах и большой камин, в котором ярко горел огонь, довершали картину.

– Здесь чудесно! – воскликнул Гарри, оглядываясь. – Ты давно тут живешь?

Клэр бросила сумочку на стол и пересекла комнату, чтобы посмотреть в зеркало над камином.

– Около двух лет, – беззаботно ответила она. – Здесь неплохо. Что ж, садись. Я налью тебе выпить. Что ты предпочитаешь? Джин, виски или пиво? Я собираюсь выпить виски. Составишь мне компанию?

– Спасибо, – сказал Гарри. – Могу я налить?

– Если хочешь. Все, что нужно, вот здесь. Ты голодный? Я – да. У меня крошки не было во рту после завтрака.

– Ничего не ела? – спросил Гарри. – Но почему?

– Не хотелось возиться. Когда живешь одна, как я, возиться с едой так скучно. Наливай. Я сейчас.

Гарри был поражен, увидев в баре целую батарею бутылок. Там было двадцать бутылок виски и двенадцать бутылок джина. Он присвистнул.

– Где ты достала все это? – спросил он, повысив голос, поскольку девушка вышла в другую комнату, оставив дверь открытой.

– Я могу достать почти все. Хочешь, возьми себе пару бутылок.

– Нет, спасибо, – поспешил отказаться Гарри. – Я редко пью виски. – Он налил немного в стакан. – Тебе сколько наливать?

– На два пальца! – крикнула она в ответ. – Не жадничай. Внизу в буфете есть содовая, а я сейчас принесу лед.

Очень скоро она вернулась с подносом, на котором были тарелки с холодным цыпленком, темный хлеб, масло, зеленый салат, камамбер и печенье.

– Пойдет? – спросила она, ставя поднос на канапе и садясь. – У меня еще есть язык, если тебе больше нравится.

Гарри с удивлением пялился на еду.

– Да это же королевское угощение! – воскликнул он. – Я не могу тебя так ограбить. Правда, не могу.

Клэр посмотрела на него, вскинув брови, и в этот момент взгляд ее сделался до странности холодным и отстраненным.

– Дорогой мой идиот, что за чушь ты мелешь? Ты меня не грабишь. Это еда, так что ешь.

– А завтра с тобой все будет в порядке?

– В порядке? Разумеется. Что ты имеешь в виду?

– Я же тебя совсем объем и выживу из дому.

– Ты говоришь так, будто в стране нет продуктов.

– А разве есть? – спросил Гарри и улыбнулся. – Я что-то не видел изобилия.

– Это потому, что ты не знаешь, где смотреть, – сказала она и похлопала ладонью по канапе. – Садись и перестань вести себя как беженец без продуктовых карточек. И ради бога, налей себе нормальную порцию, в твоём бокале даже муху не утопить.

– О нет, вполне достаточно. Я не привык к виски, – сказал Гарри, садясь. Он взял тарелку с цыпленком и поставил ее на колени. – Знаешь, это немножко похоже на сон. Ты всех людей жалеешь и так кормишь?

– Нет, но ты – особый случай. – И Клэр окинула его быстрым испытующим взглядом.

Ее реплика и взгляд напомнили Гарри о бумажнике, и он окончательно растерялся.

– Ты правда взяла бумажник? – спросил он с тревогой.

– Конечно, – ответила она, вскинув голову и глядя на Гарри вызывающе. – Его нужно было проучить, и он получил урок. Я знаю, где он живет, и завтра пошлю ему бумажник.

– Но... это не мое дело, конечно, – с беспокойством произнес Гарри. – Разве не безрассудно брать бумажник, если в нем пятьдесят фунтов? Я имею в виду, кто-то ведь мог решить...

– Что я собиралась оставить бумажник себе? – спросила Клэр и рассмеялась. – Полагаю, именно так они и решили бы. Почему, ты думаешь, я пихнула его тебе? Я до смерти перепугалась, когда старый дурак обнаружил пропажу. Я не думала, что он хватится бумажника прежде, чем мы разойдемся.

– Но для чего ты это сделала? – спросил Гарри, глядя на нее в упор.

– Он старый потаскун. Решил, что я проститутка, ну я и подыграла ему, и когда он положил свой бумажник на стол, я умыкнула его в сумочку. Бедняга так набрался, что у него память отшибло. Я собиралась отдать ему бумажник после того, как он испугается хорошенько. Но когда он устроил сцену, я решила молчать. Вот и все. Завтра пошлю ему бумажник. Бьюсь об заклад, он сейчас выкипает от злости, и это ему на пользу.

Гарри не нравились такие вещи, но он промолчал. На самом деле ему было жаль Уингейта.

– Хочешь, я отнесу ему бумажник сегодня вечером и все объясню? – спросил он. – Я мог бы это сделать.

– Ну уж нет! – выпалила Клэр, и на мгновение ее глаза сделались холодными и злыми, затем она делано рассмеялась. – Да не суетись ты так. Получит он назад свой бумажник, но пусть сперва понервничает. Налей мне еще и себе тоже. Как цыпленок?

Гарри сказал, что цыпленок вкусный, хотя едва притронулся к угощению. Поднимаясь, он смотрел на нее вопросительно.

– Не суетись! – сказала она. – Ты всегда так волнуешься по пустякам?

– Да нет, но...

– Расскажи о себе, – попросила она, перебивая. – Чем ты занимаешься?

Гарри колебался. Нет смысла стесняться своей работы, подумал он. Если он увидится с Клэр снова, она так или иначе узнает. Теперь он уже начал осваиваться с ней, и у него возникло ощущение, что Клэр столь же безразличен род его занятий, как и его потрепанная одежда.

– Я работаю в фотоателье Муни на Линк-стрит, – сказал он, наливая виски. – Стою на перекрестках в Вест-Энде и фотографирую людей. – Он нарочно выставил себя в самом непривлекательном свете и наблюдал за реакцией девушки, но выражение ее лица не изменилось.

– Это тебе нравится? – спросила она.

– Неплохая работа. Конечно, больших денег она не приносит, но в ближайшее время я планирую начать собственное дело.

– Я и не думаю, что на этом можно прилично заработать. И ты доволен? – Она спросила так, словно можно по своему желанию выбирать самую высокооплачиваемую работу.

– В общем, да. – Гарри снова задумался в сомнении, затем продолжил: – Это приносит шесть фунтов в неделю, если быть точным.

– Ничего удивительного, что ты не пьешь виски.

На какое-то время воцарилось молчание. Клэр смотрела на огонь, слегка хмурясь.

– Неужели ты не можешь подыскать занятие получше? – неожиданно спросила она. – Более денежное?

Гарри был удивлен, что Клэр проявляет интерес к его делам.

– Не знаю, – ответил он. – Трудность заключается в том, что я мало в чем разбираюсь, кроме фотографии. И еще не готов начать свое дело. Я сделал несколько фотографий, когда был в армии в Италии, и отправил их на конкурс, объявленный в «Воскресной газете». Я получил первую премию. Это меня вдохновило, и я стал участвовать в конкурсах. За последние три года я скопил триста фунтов призовых денег.

Клэр посмотрела на него с неожиданным интересом:

– Здорово! Значит, у тебя это хорошо получается.

Гарри улыбнулся:

– Не знаю. Скорее, просто везение. Подворачивается нужный кадр. Мой босс Муни предлагает мне вложить деньги в его бизнес. Говорит, что я стану его партнером и займусь портретами. Мы пока не делаем студийных снимков, и Муни подумывает об этом, хоть и мало смыслит в фотографии. Он хочет, чтобы я оборудовал студию и делал портретные снимки.

– Ведь это же хорошая идея? Почему ты этим не займешься?

– Это не так просто, как кажется, – сказал Гарри, вытягивая свои длинные ноги к камину.

Ему еще никогда в жизни не было так хорошо, и он начисто забыл о бумажнике Уингейта. Гарри все казалось, что он вот-вот проснется и окажется в унылой съемной комнате на Лэннок-стрит.

– Видишь ли, я не уверен, что разумно открывать ателье на Линк-стрит. Район неподходящий, вряд ли у нас будет там приличный доход. Муни клянется, что дело пойдет, но я не уверен. И потом, понимаешь, мои обстоятельства крайне затруднительны. Я потерял родителей, когда мне было пятнадцать, и с тех пор вынужден сам заботиться о себе. Меня согревает мысль, что на почтамте у меня хранится триста фунтов. Случись что – заболею, лишусь работы, – у меня есть что-то за душой. Да и на старость нужно что-то отложить.

Клэр смотрела на него широко открытыми глазами.

– На старость? Что за глупость! Ты же так молод. У тебя годы и годы впереди, прежде чем нужно будет беспокоиться о старости. И ты можешь выиграть новые призы. Никогда не слышала подобной чепухи.

Гарри выглядел озадаченным.

– Да, знаю. Муни твердит мне то же самое. Но я не могу не осторожничать. Такой уж я человек. В ближайшее время я что-нибудь предприму, но мне не хочется ничего делать в спешке. Я считаю, что нужно откладывать как можно больше. А ты?

– Я? – Клэр презрительно рассмеялась. – Господи, нет, конечно! Я за всю жизнь не отложила и фартинга. Прошлое ушло – забудь о нем! Будущее еще не наступило – ну и черт с ним! Настоящее – вот оно, так и пользуйся моментом. Жизнь коротка, так что нужно успеть повеселиться. Такова моя философия. Наслаждайся, пока можешь.

– Ну, полагаю, это нормально, – произнес Гарри, в душе не разделяя ее мнение. – Девушки устроены по-другому. Для них важнее выйти замуж.

– Ты и вправду самый старомодный парень из всех, кого я встречала, – сказала Клэр, ставя тарелки на поднос. – Я не выйду замуж. Это последнее, чего я хочу. Вести хозяйство, готовить, штопать мужнины носки и исполнять его прихоти – все это не по мне. А дети! Ну уж нет, спасибо!

У Гарри вытянулось лицо. Конечно, она права, думал он. Невозможно было представить ее моющей посуду, стоящей в очереди или толкающей коляску. Должно быть, так и есть. У него старомодные взгляды. Ему нравилось думать, что место женщины дома – как раз за теми занятиями, которые были так ненавистны Клэр. Но откуда у нее эти мысли? Если бы она была

из тех девушек, которые мечтают о замужестве, разве сидел бы он в этой чудесной комнате, наслаждаясь лучшим вечером в жизни?

– Допивай и наливай еще, – велела Клэр. – И передай сигареты. Они на столе.

– Спасибо, я больше не буду, – сказал Гарри.

Он протянул ей пачку и помог прикурить.

– Давай я вымою посуду? – предложил он, кивая на стоящие на подносе тарелки.

– Ну и дела! – воскликнула Клэр. – Ты первый мужчина, кто мне такое предлагает. Не беспокойся. Мне помогает женщина, которая приходит каждое утро. Она все сделает. – Клэр протянула ему стакан. – Ну наливай же!

Пока Гарри смешивал виски с содовой, она спросила:

– Расскажи, где ты живешь? Ты говорил, это на Лэннок-стрит?

– Да. Там неплохо. Не как здесь, конечно. – Гарри передал ей стакан и снова сел. – Я живу с одним парнем. Мы делим плату пополам и поэтому можем позволить себе большую комнату.

– А кто твой сосед? – спросила Клэр, сама удивляясь, что задает все эти вопросы.

– Его зовут Рон Фишер, – ответил Гарри. – Он пишет статьи и все такое. Сейчас он работает над серией статей о ночной жизни Лондона для «Воскресной газеты». Зарабатывает очень прилично, но большую часть денег отправляет жене. Они живут отдельно.

– Вот пожалуйста, а ты еще говорил о замужестве, – сказала Клэр, состроив гримасу. – Так обычно и происходит. Это не для меня! Я предпочитаю быть свободной и делать что захочу.

– А чем ты занимаешься, если не сочтешь мой вопрос за бестактность? – спросил Гарри и поспешно добавил: – Но возможно, мне не следовало спрашивать.

– Все в порядке, – ответила она, не глядя на него. – Я модель. Недурная работа, и платят хорошо.

– А что ты должна делать? – спросил он с интересом.

– Знаешь, мое имя есть в списках всех крупных агентств. Когда им нужна девушка для рекламы, приглашают меня. Деньги неплохие, а вещи, которые я получаю, и того лучше. В прошлом месяце я рекламировала виски, и мне дали пару дюжин бутылок, помимо денег. В прошлом году я снялась для серии рекламных плакатов спортивных автомобилей марки «MG» и вместо гонорара попросила автомобиль. Эту радиолу я тоже получила в счет гонорара. Хорошее занятие и не особенно трудное.

Гарри счел это просто восхитительным, о чем тут же и сказал. Когда он только вошел в комнату, то удивился, откуда у Клэр деньги на такую роскошь, и этот вопрос его слегка тревожил.

– Не удивлюсь, если ты решил, что я проститутка, – сказала Клэр, улыбаясь ему. – Я заметила выражение твоего лица, когда ты сюда вошел. Ведь подумал же, подумал?

– Пожалуйста, не говори так, – сказал Гарри. – Даже в мыслях не было. Я провел много времени в Вест-Энде и узнаю проституток с первого взгляда. Ошибиться невозможно. Я не хочу этого слышать от тебя даже в шутку.

– А ты не хочешь узнать, как я познакомилась с Уингейтом? – спросила она. – Ну признайся же, что тебе любопытно.

– Может, и так, – ответил Гарри. – Но это не значит, что ты должна мне об этом рассказывать.

– Мне было одиноко, – начала она, наклоняясь, чтобы поворошить угли в камине. – Заняться было нечем, это место действовало на нервы, и мне вздумалось выкинуть что-нибудь этакое. Тебе никогда не хотелось сделать нечто необычное или все кардинально поменять? На тебя это не похоже, а вот мне иногда хочется совершить какой-нибудь безумный поступок – раздеться и поплавать в фонтане на Трафальгарской площади, или расколотить витрину, или сбить шлем с головы полицейского. Ведь на тебя ничего такого не накатывало?

– Вообще-то, нет, – удивленно ответил Гарри. – Не могу сказать о себе ничего такого.

– Тебя трудно представить в такой роли, – сказала Клэр и засмеялась. – Я прогуливалась по Пикадилли в поисках неприятностей, и тут подвернулся Уингейт. Он увязался за мной и в конце концов начал ко мне клеиться. Мне захотелось над ним подшутить. Но он был таким грубым и несносным, что я вышла из себя и решила его проучить. Так что теперь ты все знаешь.

– Я даже представить себе не мог, что такой девушке, как ты, может быть одиноко, – произнес Гарри совершенно серьезно. – У тебя наверняка полно друзей.

– Так оно и есть, – сказала она. – Но иногда и с друзьями жутко скучно. – Она взглянула на часы на каминной полке. – О боже! У меня встреча через полчаса, а я еще даже не переоделась. – Она вскочила и улыбнулась Гарри. – Не обидишься, если я попрошу тебя уйти? Прости. Мне было приятно, а тебе?

Гарри поднялся.

– Было невероятно любезно с твоей стороны подарить мне такой потрясающий вечер, – сказал он. – Я чудесно провел время. Спасибо тебе за угощение и... и за компанию.

Клэр слегка поклонилась ему.

– Мне тоже было приятно, – заверила она и направилась к двери.

– Может быть, мы встретимся снова, – произнес Гарри с надеждой, следуя за ней. – Не думаю, что у тебя много свободного времени, но если ты когда-нибудь захочешь пойти в кино и разрешишь мне тебя пригласить...

Клэр засмеялась и открыла дверь:

– Я буду иметь это в виду. Ты всегда можешь найти меня здесь. Позванивай. Мое имя есть в справочнике.

Это было слишком туманно, чтобы удовлетворить Гарри.

– Может, мы могли бы условиться о каком-нибудь дне на следующей неделе? – спросил он, стоя в дверном проеме и с надеждой глядя на нее.

Клэр покачала головой:

– Только не на следующей. Я буду занята. Позвони мне как-нибудь. Я тебя не забуду.

– Хорошо, – сказал Гарри, неохотно и медленно отступая на площадку. – Это был чудесный вечер, и спасибо тебе большое.

Девушка протянула руку, улыбаясь:

– До свидания. Сейчас я должна бежать. И не беспокойся из-за ерунды, обещаешь?

Он пожал ее руку:

– Обещаю. Что ж, до свидания.

И все-таки он не сдвинулся с места. Клэр одарила его ослепительной улыбкой и захлопнула дверь у него перед носом.

Глава четвертая

«Какой необыкновенный юноша, – подумала Клэр, не отпуская ручку двери и прислушиваясь к звуку шагов Гарри, спускавшегося по лестнице. – И милый. Немножко размазня, конечно, но милый».

«Она идет во всей красе – светла, как ночь...»

Никто и никогда не говорил Клэр ничего подобного. Еще ни один мужчина из тех, кого она приглашала к себе, не ушел, не попытавшись по крайней мере поцеловать ее.

Она нахмурилась и направилась к столу, где оставила сумочку. Взяв ее, Клэр все еще думала о Гарри. Она размышляла, позвонит ли он, и если да, то нужно ли с ним встречаться.

Такой юноша может сильно осложнить жизнь. Но как же он отличается от всех ее знакомых! Клэр не могла припомнить и часа, проведенного наедине с мужчиной, чтобы ее не лапали. К тому же Гарри симпатичный. Клэр представила, как бы он выглядел в дорогом костюме, и тут же, удивляясь себе, поняла, что хочет купить ему костюм, одеть его с головы до ног.

«Я становлюсь похожей на Бебс, – подумала она, присаживаясь на край стола и разглядывая свое отражение в зеркале над камином. – Она покупает Тедди одежду, дает ему деньги на карманные расходы, приглашает в разные места. Этот Тедди – вонючий крысеныш. Его нельзя сравнивать с Гарри. Будет трудно убедить Гарри принять подарок. Но было бы забавно попытаться».

Внезапно открывшаяся дверь спальни прервала ее размышления. Клэр напряглась и подалась назад. Высокий грузный мужчина с сигаретой в зубах появился в дверном проеме. Гладко выбритое розовое лицо; пепельные, разделенные на пробор волосы тщательно зачесаны за уши. Светло-голубые, почти лишенные цвета глаза смотрели пронизательно, холодно и твердо. На мужчине был светло-серый костюм, который обошелся ему в пятьдесят гиней, белая шелковая рубашка, замшевые ботинки и желтый галстук с темно-коричневыми лошадиными головами.

Звали его Роберт Бреди.

– Привет, дорогая, – произнес он и улыбнулся, демонстрируя два ряда золотых зубов. – Сегодня ты выглядишь очень уж задумчивой.

– Ты был здесь все это время? – спросила Клэр, и ее лицо сделалось суровым.

Он кивнул.

– Все время, золотко, прижавшись ухом к замочной скважине. – Бреди засунул палец в правое ухо и ухмыльнулся. – Из замочных скважин жутко сквозит, – пожаловался он, садясь у камина. – Обязательно было приводить его сюда?

– Я чуть не попалась, – бросила она в ответ. – Если ты подслушивал, то уже все знаешь. Нужно было с ним полюбезничать, иначе он мог устроить неприятности.

– Кажется, тебе это не было противно, – сказал Бреди. – Обязательно было угощать его цыпленком? Я сам собирался его съесть.

– Ох, заткнись! – сердито воскликнула Клэр. – Как ты сюда попал?

– При помощи ключа. Это такое металлическое приспособление, которое закрывает и открывает двери. Разве ты не знала, что у меня есть ключ?

– Нет, не знала! – ответила Клэр. – Отдай его мне сейчас же! Я не позволю тебе приходиться и уходить когда вздумается.

– В конце концов, это моя квартира, – мягко возразил Бреди. – Я имею право приходиться и уходить, когда пожелаю, золотко.

– Если ты не отдашь мне ключ, я поменяю замок, – гневно сказала Клэр. – И пока я здесь живу, это не твоя квартира.

Бреди внимательно смотрел на нее, его полное розовое лицо оставалось бесстрастным. Поскольку у него имелся еще один дубликат, он опустил свои толстые пальцы в жилетный карман и извлек ключ.

– Делай с ним что хочешь. Мы не станем из-за этого ссориться. Где бумажник?

– Только об этом ты и думаешь! – Клэр открыла сумочку и бросила ему бумажник.

– Дорогая, ты не могла бы поработать над своими манерами? – спросил он, наклоняясь, чтобы поднять бумажник. – Неужели надо вести себя как последняя шлюха?

– Заткнись! – бросила она и подошла к бару, чтобы налить себе еще.

– Боюсь, твой новый дружок слишком тебя взволновал, – изрек Бреди, пересчитывая пятифунтовые купюры, которые были в бумажнике. – Он очень романтичный, да?

– Заткнись! – повторила она, садясь.

– Пятьдесят фунтов! – Бреди поднял глаза и расплылся в улыбке, сверкнув золотыми зубами. – Неплохо. – Он взял шесть купюр, сложил их и сунул в жилетный карман. Оставшиеся четыре купюры протянул Клэр. – Вот вознаграждение для умненькой девочки.

Она выхватила у него деньги и равнодушно сунула в кошелек.

– Ты и вправду сегодня не в духе, золотко, – произнес Бреди и провел по лицу девушки кончиками пальцев.

Она отшатнулась:

– Убери от меня свои лапы! Я сегодня не в настроении.

– Принимая во внимание твое ремесло, ты всегда должна быть в настроении, – сказал он, посмеиваясь. – Как зовут молодого человека?

– Не знаю, – солгала Клэр, не глядя на него. – Гарри. Фамилию он не называл.

– Не важно, – отозвался Бреди, прохаживаясь по комнате и сунув руки в карманы. – Мы всегда можем это выяснить. Кажется, он говорил, что работает в фотоателье Муни на Линкстрит, верно? Я знаю это место.

Клэр вскочила.

– Что у тебя на уме? Ты ведь что-то задумал? – спросила она, хватая его за плечо.

– Конечно задумал, – ответил Бреди. – У него три сотни фунтов. Выманить их будет для тебя проще простого, верно? Ты же не собираешься упускать такую возможность?

– Не будь дураком, – сказала она. – Вряд ли я увижу его снова. К тому же он не носит их с собой. Он хранит их на центральном почтамте.

– Не важно, где он их хранит. Он потратит их на тебя, если ты дашь ему шанс и увидишь его снова. Он позвонит. Забавно, как эти милые мальчики всегда влюбляются в таких вот сук. Создается впечатление, что они просто ничего не могут с собой поделаться.

Клэр сжала кулаки, и казалось, она вот-вот ударит Бреди, но затем отвернулась и сердито пожала плечами.

Бреди развернул ее к себе:

– Давай ненадолго забудем о нем, золотко. Полагаю, будет славно провести вместе часок. Не стоит демонстрировать характер, Клэр. Тебе без меня не обойтись, сама знаешь. Не забывай об этом.

Она попыталась вырваться, но Бреди с легкостью удержал ее.

– Давай же. Пойдем в другую комнату.

– Нет! – яростно выкрикнула она. – Не хочу! Отпусти меня, ты, жирная свинья!

Бреди легонько потрянул девушку, запрокидывая назад ее голову.

– Не глупи, дорогая, – сказал он, и взгляд его бесцветных глаз сделался злым. – Идем в другую комнату.

Они долго смотрели друг на друга, затем Бреди разжал руки и взял ее лицо в свои влажные мягкие ладони.

– Восхитительная Клэр, – произнес он и притянул ее к себе.

Задрожав, девушка закрыла глаза и позволила Бреди поцеловать себя.

– Представь, что я – это он, – прошептал Бреди. – В темноте все кошки серы, милая, а для тебя это хорошая практика.

И Бреди повел переставшую сопротивляться девушку в другую комнату.

Глава пятая

Резкий запах жареной трески ударил в нос Гарри, когда он открыл дверь дома номер двадцать четыре по Лэннок-стрит и стал ощупью пробираться по темному коридору, ведущему к лестнице. Где-то в подвале миссис Уэстерхем, его хозяйка, уныло напевала, но что именно, разобрать было нельзя – то ли церковный гимн, то ли балладу, и Гарри, остановившись послушать, решил, что это все-таки гимн. Миссис Уэстерхем всегда что-нибудь напевала.

– Когда живешь одна, – как-то сказала она Гарри, – начинаешь либо думать вслух, либо петь. Ну, бормотать себе под нос неприятно. Люди, ведущие беседы сами с собой, малость того. Так что я пою.

Гарри слушал и жалел ее. Поднимаясь по лестнице, он вдруг понял, что никогда не чувствовал одиночества, и эта мысль, прежде не приходившая ему в голову, его удивила. Он подолгу был предоставлен сам себе, но не думал об одиночестве и не искал компании. Вокруг происходило столько событий, которые его занимали!

«Вот, – подумал он, – и ключ к проблеме. Если тебе интересны люди, если ты, высунувшись в окно, с увлечением наблюдаешь за прохожими, пытаешься угадать, чем они занимаются и кто они такие, если сидишь в баре и слушаешь чужие разговоры, а потом, лежа в постели, раздумываешь над тем, что обсуждала молодая пара за бренди и кем были три таинственных незнакомца в шляпах, у тебя просто не остается времени страдать от одиночества».

Он решил, что интересоваться людьми очень даже полезно. Можно не опасаться стать похожим на миссис Уэстерхем. Не слишком-то весело распевать гимны весь день напролет, и он подумал, не спуститься ли вниз, чтобы перекинуться с ней парой слов. Гарри нравилось проводить ее. Единственная неприятность заключалась в том, что потом трудно было вырваться.

Донесшийся стук пишущей машинки Рона решил дело. Гарри понял, что сегодня ему требуется мужская компания. Только мужчина смог бы понять, что он чувствовал. Почему-то Гарри казалось, что миссис Уэстерхем не одобрила бы Клэр.

В комнате, которую Гарри делил с Роном, стоял табачный дым. Рон вечно забывал открыть окно. Как всегда, он сидел за шатким бамбуковым столом, сняв куртку, куря трубку и барабанил по клавишам своей машинки; устланный листьями пол и дымовая завеса вокруг свидетельствовали о том, что Рон провел так уже не один час.

Рон махнул Гарри:

– Подожди минутку, как раз заканчиваю, – и продолжил барабанить по клавишам со скоростью и сноровкой, которыми Гарри не переставал восхищаться.

Гарри приоткрыл на несколько дюймов окно вверху и внизу, положил свою камеру, придвинул кресло к шипящей газовой плите и сел.

Внезапно ему бросилась в глаза унылая убогость комнаты. Единственное, чем она была хороша, – это ее размер, но по сравнению с квартирой Клэр, грустно подумал Гарри, его жилище смахивало на трущобы.

Стены давно следовало оклеить новыми обоями, ковер протерся, а лучшие годы двух кресел давно миновали.

Большой столик для умывания с мраморной столешницей, на котором стояли две миски с цветочным орнаментом и кувшины, привносил в их комнату викторианскую атмосферу, что порой наводило Гарри на мысли о двухколесных экипажах и бакенбардах. Как отличалось все это от изысканной роскоши квартиры Клэр, думал он, прикидывая, сколько же она платит, чтобы жить в таком месте?

Он и представить себе не мог, что модель зарабатывает такие деньги. Вспомнив о ее золотом портсигаре и зажигалке, Гарри задумался: уж не подарки ли это довольных рекламо-

дателей? И автомобиль! Это лишний раз показывает, как мало он знает о том, что происходит в других сферах бизнеса.

Рон внезапно отодвинулся от стола и поднялся.

– Готово! – воскликнул он, приглаживая взъерошенные волосы. – Уф! Весь день проработал, устал как собака. Ну все. На сегодня хватит. К черту, править буду завтра.

Рон Фишер был долговязым, худощавым парнем лет тридцати четырех или тридцати пяти, с копной непослушных волос. У него был вытянутый овал лица, темные глаза и волевой подбородок. После первого знакомства могло показаться, что перед вами раздражительный, недружелюбный тип, поскольку он был довольно остер на язык и не терпел тех, кто нагонял на него скуку.

С Гарри они познакомились в демобилизационном центре: в очереди между ними завязалась беседа, и, выйдя оттуда гражданскими, они решили объединить усилия. Рон снимал большую комнату, в которую собирался подселить еще одного жильца. Ему понравился Гарри, и симпатия оказалась взаимной. Озабоченный вопросом экономии, Рон спросил, не хочет ли Гарри разделить с ним квартплату и занять свободную кровать. Так они и прожили вместе уже четыре года.

– Ты ужинал? – спросил Рон, собирая бумаги.

– Ты же уверен, что ответ будет отрицательным, – произнес Гарри, вытягивая длинные ноги и улыбаясь в потолок. – Верно?

Рон поднял глаза и уставился на Гарри с удивлением:

– А что это у тебя за чертовски самодовольный вид? Влюбился, что ли?

– Что? – спросил Гарри, садясь прямо и заливаясь пунцовой краской. – Влюбился!

– О боже! – воскликнул Рон, глядя на него в упор. – Расскажешь, что стряслось? Ну давай же, выкладывай все начистоту. Девчонка, да?

– Ну, в каком-то смысле, – буркнул Гарри, слегка уязвленный тем, что Рон так быстро докопался до правды.

Рон положил кипу бумаги на стол, поднял его и переставил в дальний угол. Затем подошел к буфету, открыл дверцу и оглядел содержимое, недовольно хмурясь.

– Буфет почти пуст. Но поскольку выходить из дому я не намерен, придется обойтись тем, что есть.

Он достал хлеб, масло, сыр и бутылку пива и опустился в кресло напротив Гарри.

– Ты точно ел? – спросил он, доставая перочинный ножик и отрезая кусок хлеба.

– Да, спасибо, – ответил Гарри, немного сердясь: ему хотелось, чтобы Рон начал расспрашивать о девушке. – На самом деле я прекрасно поужинал. – Гарри поднял взгляд к потолку и стал ждать реакции Рона, но, поскольку тот молчал, продолжил: – Цыпленок, салат, камамбер и еще виски.

– Чудесно, – ответил Рон с набитым ртом. – Гляди, я ем устриц и закусываю жареной дуврской камбалой. – Он налил себе пива в стакан для чистки зубов и, отпив половину, поморщился. – Понятия не имею, что они туда кладут. С каждой неделей пиво становится все хуже.

– Я не шучу, – сказал Гарри, ударяя по подлокотнику кресла. – Я был в гостях у девушки, и она накормила меня роскошным ужином.

Рон нахмурился и допил пиво.

– О чем это ты болтаешь? Какая такая девушка?

– Девушка, с которой я познакомился, – ответил Гарри. – Ее зовут Клэр Долан, у нее квартира недалеко от Лонг-Акра.

– Квартира, говоришь? Здорово, да еще и в самом центре. Как ты с ней познакомился?

– Знаю, это звучит немного странно, – сказал Гарри, нащупывая сигареты, – но она правда славная девушка. И симпатичная к тому же. Честно: настоящая красавица! Похожа на кинозвезду. Мне хотелось бы, чтобы ты ее увидел.

Рон тихо застонал:

– Ради всего святого! Выкладывай подробности. Я спросил тебя, как ты познакомился с ней?

Гарри усмехнулся и рассказал приятелю, как он пошел в бар «Герцог Веллингтон», как Уингейт опрокинул его пиво, как познакомил с Клэр. Вот только не упомянул о бумажнике. Даже теперь бумажник не давал ему покоя. Он был вполне уверен в невиновности Клэр, но по-прежнему считал, что она сделала глупость. Гарри не хотел, чтобы приятель об этом знал: ведь Рон такой циник. Подумает еще, что Клэр воровка. В общем, он опустил историю с бумажником и сказал, что они втроем выпили, а потом Уингейту нужно было куда-то идти. «Вот Клэр и пригласила меня на ужин». Умолчав о скандальной ситуации, Гарри пустился в мельчайших подробностях описывать квартиру Клэр. Он рассказал, как девушка зарабатывает на жизнь, как выглядит, что она говорила и что говорил он. И закончил свой рассказ только к половине одиннадцатого.

Рон давно разделался с ужином и теперь курил трубку, вытянув перед собой ноги. Его худое лицо оставалось задумчивым. Он ни разу не перебил Гарри за все время рассказа, а тот был в таком восторге от знакомства с Клэр, что даже не заметил, каким молчаливым сделался Рон.

– Ну вот как это было, – закончил Гарри, закуривая очередную сигарету. – Она сказала, что я могу ей позвонить. Конечно, я позвоню. Посмотрим, может, мне удастся пригласить ее куда-нибудь на следующей неделе. Она говорила, что будет очень занята, но попытаться стоит.

Развалившись в кресле, Рон смотрел на Гарри.

– Не хочу портить тебе впечатление, Гарри, – тихо произнес он, – но держи ухо востро с этой женщиной. Так легко попасть в беду, особенно если ты молод и неопытен. Знаю, звучит банально, но порой это оказывается правдой. Так что остерегайся.

Гарри уставился на него:

– Остерегаться кого?

– Ее, – сказал Рон, потом зевнул, потянулся и встал. – Ну ладно, я ложусь. Завтра у меня длинный день, так что нужно выспаться. А ты как?

– Я готов, – ответил Гарри, нахмурившись. – Слушай, Рон, если бы ты ее увидел, то сразу понял бы, что с ней все в порядке.

– Неужели? – спросил Рон, начиная раздеваться. – Я сужу о девушке по ее поступкам, а не по внешности. Не странно ли, что девушка, которая живет совершенно одна, приглашает на ужин незнакомого молодого человека, поболтав с ним всего каких-то полчаса?

– Теперь ты говоришь ерунду! – горячо возразил Гарри. – Она меня пригласила... – Тут он внезапно умолк, сообразив, что не может объяснить Рону, почему она это сделала. – Ей было одиноко, – продолжил он после небольшой заминки. – Что в этом плохого?

Рон сел на кровать, скинул туфли и стянул носки.

– Ты мне нравишься, Гарри, – сказал он, не глядя на приятеля. – Ты славный, чистый юноша, и мне хочется думать, что ты всегда будешь таким. Не советую тебе связываться с гламурными девицами: от них одни неприятности. Уж я-то знаю. Я считал себя очень умным, когда женился на Шейле. Она была из таких вот кокеток. По ее мнению, приятно проводить время – это значит выпивать, танцевать, ходить в кино четыре раза в неделю и как можно меньше работать. Она была милой и хорошенькой, и я надеялся, что она образумится, но не тут-то было. Такие не способны образумиться. – Он натянул пижаму и нырнул в постель. – Есть девчонки, Гарри, которые не приносят счастья. Ни себе, ни другим. У них ложные ценности и представления. Они хотят развлекаться и ни за что не отвечать, а так не бывает. Может, им и повезет в жизни. Но только не тем бедным простофилям, которые на них женятся или их обхаживают. Будь осторожен с этой девушкой. Убедись, что она не вторая Шейла. Может, и нет, но держи ухо востро.

Гарри натянул одеяло до подбородка и хмуро уставился в потолок.

– Ты все усложняешь, Рон, – сказал он. – Клэр совсем не похожа на Шейлу. Я провел с ней целый вечер, и это не стоило мне ни пенни. Ведь ты никогда не проводил вечера с Шейлой, не потратив уйму денег?

– Это правда, – печально согласился Рон. – Ладно, давай посмотрим, как пойдут дела, только не теряй бдительности.

– Твоя проблема – это чертов цинизм, ты вечно ругаешь женщин, – сказал Гарри. – Тебе не повезло с Шейлой, и ты решил, что все девушки такие. Но это, слава богу, не так.

– Узнай, что она думает о браке, – предложил Рон. – Это даст тебе некоторое представление о ее характере. Я с самого начала штопал носки, готовил еду, стирал, убирал, пока Шейла сидела без дела, взвалив на меня все домашние хлопоты. Выясни, ловко ли твоя девушка управляется с хозяйством и хочет ли она детей, когда выйдет замуж. Готов поспорить, что это не так. Девушки этого сорта ничего такого не хотят, и самое печальное, что простофиля, который ее обхаживает, считает, что ей не нужно пачкать прелестные ручки или портить фигуру, рожая детей. Как бы то ни было, спроси ее – и сам увидишь.

– Ты говоришь так, будто я собрался на ней жениться, – сказал Гарри, выключая свет. Он был рад, что не рассказал Рону о ее взглядах на замужество. – Как я могу жениться на такой девушке? Она, должно быть, зарабатывает в десять раз больше, чем я.

– То-то и удивительно, – раздался из темноты голос Рона. – Может, я слишком подозрительный, но эта ее болтовня о модельном бизнесе звучит, на мой взгляд, не очень-то правдоподобно. Я не знаю ни одной фирмы, которая делала бы моделям такие дорогие подарки, во всяком случае в наше время. Спортивные машины марки «MG» стоят сотни и сотни. Тебе не кажется, что это чересчур?

Гарри это, конечно, казалось странным, но он не хотел признаваться в этом даже себе.

– Ой, ерунда это! – бросил он. – А как еще, по-твоему, она все это получила?

– Даже в наше время всеобщей бедности не перевелись богатые мужчины, которые могут позволить себе снять для девушки квартиру и делать ей дорогие подарки. Есть в Вест-Энде и те, кто умеет дорого себя продать. Это гораздо более правдоподобное объяснение, чем та чушь, которую несешь ты.

– О, я так и знал, что рано или поздно ты это скажешь! – с горячностью ответил Гарри. – Но ты совершенно не прав. Ничего такого в ней и близко нет.

Рон вздохнул:

– Хорошо, Гарри. Пусть я не прав. Но будь осторожен. Не попади в переделку, а если попадешь, не будь дураком и не пытайся выпутаться в одиночку. Может, я сумею помочь.

– Не знаю, что с тобой сегодня, – раздраженно произнес Гарри, взбивая подушку. – Делаешь проблему на пустом месте. Я собираюсь спать. Спокойной ночи.

Но он еще долго не мог заснуть. Голова у него шла кругом. Он пожалел, что рассказал Рону о Клэр. Можно было догадаться, что Рон сорвет на ней свою злость. Рон наговорил уйму ерунды. У Клэр не было с Шейлой ничего общего. Клэр – самая восхитительная, самая чудесная, самая привлекательная девушка в мире. Плохо, что у нее так много денег. Если он хочет часто видеться с ней – а он решил, что хочет этого, – тогда ему нужно зарабатывать больше. Он работает на Муни вот уже три года. И теперь решил, что попросит увеличить ему заработок – на десять шиллингов в неделю. Это, конечно, не слишком поможет, если он собирается встречаться с Клэр регулярно. Нынче десять шиллингов – это почти ничего. Придется найти какой-нибудь другой заработок, если только он не воспользуется сбережениями. В конце концов, всегда можно взять фунт-другой из скопленных денег. С этой утешительной мыслью Гарри заснул.

Глава шестая

Альф Муни однажды услышал, что какая-то девушка сравнила его с Адольфом Менжу, и запомнил это на всю жизнь. Он был такого же небольшого роста, с печальным лицом, тяжелыми мешками под глазами, обвисшими усами и острым подбородком.

Подчеркивая сходство, Муни носил мягкую фетровую шляпу с широкими полями, сдвигая ее на затылок, и вручную расписанный американский галстук, который свободно повязывал под расстегнутым воротом рубашки. Находясь в ателье, он редко носил пиджак и расхаживал в расстегнутом жилете, который не распахивался благодаря цепочке от часов. Потухшая сигара в уголке рта, порой вызывавшая дурноту, завершала его американский образ, который не мог обмануть никого, за исключением самого Муни.

Вот уже сорок лет Муни пытался разбогатеть, но всякий раз терпел неудачу. Он перепробовал множество способов. Был букмекером, моряком, торговым агентом, водителем такси, продавцом торговых площадей, управляющим одним из магазинов Вулворта. Он зарабатывал деньги и терял их, снова зарабатывал и снова терял. В один год дела шли в гору, на следующий под гору. То он разъезжал на подержанном американском автомобиле, то довольствовался автобусами. Удача никогда долго ему не сопутствовала. Он либо был при деньгах, либо вовсе без денег. Казалось, для него не существовало счастливой золотой середины.

В данный момент дела Муни вновь пошли на спад. Три года назад он выиграл пятьсот фунтов на футбольном тотализаторе и открыл фотоателье в надежде, что если работать будет кто-то другой, то удача наконец повернется к нему лицом. Муни нанял троих молодых людей (одним из которых оказался Гарри), чтобы те фотографировали прохожих на улицах, и девушку, Дорис Роджерс, – она проявляла пленки, печатала фотографии и общалась с клиентами. Свое участие в предприятии Муни ограничил тем, что постоянно торчал в дверях: ему казалось, что таким образом он задает делу тон. Бизнес продержался три года. Это было рекордом для Муни, но теперь перед ним вновь маячила перспектива банкротства, и он стал размышлять, какой следующий шаг необходимо предпринять.

Так что, когда Гарри попросил поднять ему зарплату на десять шиллингов, Муни только развалился в кресле и горько усмехнулся.

– Побойся Бога, юноша, – произнес он, отмахиваясь от Гарри потухшей сигарой. – Это невозможно. Дела идут так паршиво, что скоро мне придется прикрыть лавочку. Посмотри на ту пачку, которую ты принес вчера. Сколько, по-твоему, желающих пришли купить фотографии? И дюжины не набралось! Я тебе вот что скажу, Гарри. Накрылось это дело. Слишком большая конкуренция. Да и денег у народа мало. Людям не наскрести полдоллара, чтобы заплатить за фотографию.

Гарри хорошо относился к Муни. За все время их совместной работы Муни ни разу не взял назад слова и не соврал. И теперь дело было не в том, что Муни не хотел повышать зарплату. Новости встревожили Гарри. Если Муни закроет ателье, Гарри потеряет работу и шесть фунтов в неделю. Подобная перспектива испугала его.

– Так что вы собираетесь предпринять, мистер Муни? – спросил он, присаживаясь на край письменного стола. – Сколько вы думаете еще продержаться?

– Что мне в тебе нравится, Гарри, – произнес Муни, – ты не эгоист. С тобой можно разговаривать, а с этими сопляками – нет. Они думают только о собственной выгоде. Ну так вот, юноша, как насчет того, чтобы вложить в бизнес немного денег? Я уже заводил этот разговор, но, если ты хочешь сохранить работу, самое время что-то предпринять. У тебя от природы все задатки хорошего фотографа. Ты понимаешь в этом деле. Если организуем портретную студию, то сорвем куш. Уверен на все сто. От уличных снимков никакого проку. Это новшество, без которого можно запросто обойтись. Но хороший портрет – совсем другое дело. Мы могли

бы извлечь огромную выгоду, если только ты поумнеешь и войдешь в долю. Теперь подумай: я намереваюсь дать тебе пятьдесят процентов от выручки и пять процентов со сбережений. Как тебе это? По-моему, вполне справедливо. Мы избавимся от других дармоедов. Дорис пусть остается, но ей придется урезать зарплату. Сократим расходы до пятнадцати фунтов в неделю. Через месяц или около того ты уже будешь получать прибыль. Что скажешь?

Гарри покачал головой:

– Простите, мистер Муни, но я не могу рисковать деньгами. Это все, что у меня есть, и я очень ими дорожу. Здесь неподходящий район для портретной студии. Это торговая часть Вест-Энда, а не Сохо.

– Вот тут ты ошибаешься, – сказал Муни. – Ладно, признаю, что связан арендой. Пусть так, но у здешних торговцев есть деньги. Они такие же люди, как и все прочие, и захотят иметь хорошую фотографию. Мы выйдем на новый уровень, если только ты включишь голову.

– Простите, но вы меня не убедили, – твердо повторил Гарри.

Муни беспомощно пожал плечами:

– Что ж, все в порядке, это твои деньги. Но я тебя предупреждаю: если только что-нибудь не выплывет, в следующем месяце придется все поменять. – Он положил ноги на стол и откинулся на спинку кресла. – На самом деле у меня есть неплохой вариант – заняться чисткой и покраской одежды. Я знаю парня, который хочет расширить свой бизнес в этой сфере. Я могу открыть здесь пункт приема вещей и потом отправлять их ему. Но ты останешься не у дел. Мне придется управляться одному.

– Пусть так, мистер Муни, – грустно ответил Гарри, – но, возможно, до этого не дойдет.

Оставив Муни, погруженного в невеселые размышления, рассматривать потолок, Гарри отправился в лабораторию обсудить бедственное положение с Дорис Роджерс.

Дорис была пухленькой коротышкой с копной черных вьющихся волос, вздернутым носиком и улыбкой, которая сразу вызывала симпатию. Гарри мало знал о ней, поскольку она никогда о себе не рассказывала.

Она была прекрасным работником, и Муни пользовался этим, платя ей сущие гроши и перекладывая на ее юные плечи как можно больше собственных обязанностей. Дорис никогда не ворчала, не возражала против того, чтобы работать допоздна, и, казалось, вовсе не имела личной жизни.

Гарри она нравилась. Она была из тех девчонок, с кем можно дружить без всяких обычных в таких случаях осложнений. Его восхищало проворство и мастерство Дорис, а также врожденный талант выбрать хорошую фотографию, и он всегда прислушивался к ее мнению.

Едва Дорис увидела мрачное выражение его лица, как тут же поняла, в чем проблема.

– Опять хныкал? – спросила она, погружая очередную порцию фотографий в ванночку с закрепителем.

– Хуже. Говорит, что закроется в следующем месяце, если дела не пойдут на лад.

Дорис презрительно фыркнула:

– Что ж, это его вина. Он не хочет шевелиться, никаких новых идей. – Она переложила фотографии в ванночку с водой. – А что ты будешь делать, Гарри?

– Попытаюсь устроиться в «Моментальное фото», хотя меня могут и не взять. Не знаю. Хорошо бы получить там работу. А ты?

Дорис пожала плечами.

– Найду что-нибудь, – бодро ответила она и на несколько секунд оторвалась от работы, чтобы улыбнуться Гарри. – Что-нибудь всегда подворачивается. Почему ты не скажешь ему о своей идее фотографировать по вечерам? Мы уже несколько месяцев об этом говорим, а ты так и не пошевелился. Время пришло. Это должно сработать. Ты даже можешь вытрясти из него побольше денег, если постараться хорошенько. Ведь тебе в конце концов придется фотографировать на несколько часов дольше.

– Я совсем про это забыл, – сказал Гарри. – Пойду поговорю с ним прямо сейчас. Если он клюнет, заставлю его платить мне проценты с прибыли.

– Правильно, – согласилась Дорис. – И не ведись на всякую чепуху.

Когда Гарри вошел, Муни по-прежнему сидел, развалившись в кресле, исполненный жалости к себе. Он уныло воззрился на Гарри и спросил:

– Ну что еще? Ни минуты покоя в этом месте.

– У меня есть идея, мистер Муни. Возможно, стоящая, – сказал Гарри. – Я обдумывал ее некоторое время. Почему бы не переключиться с дневных на вечерние фотографии? Давайте предложим людям что-то новое. Может, им будет интереснее получить свою фотографию на улицах ночного города. Во всяком случае, такого еще не было.

Муни сразу оценил все преимущества, но, поскольку идея была не его, не выказал особого энтузиазма. Вместо этого он закрыл глаза, помрачнев еще больше.

– Мысль, конечно, неплохая, – неохотно согласился он. – Но есть и загвоздки. Во-первых, нужна вспышка, которая стоит денег. Во-вторых, лампы, которые тоже стоят денег. А свободных средств у меня нет.

– Вспышка у меня есть. Я купил ее несколько лет назад и мало ею пользовался, и за лампочки я заплачу.

Муни открыл глаза и выпрямился:

– Ну-ка еще раз?

Гарри повторил сказанное.

– Прекрасно, – произнес Муни, и вдруг выражение его лица сделалось подозрительным. – А где подвох?

Гарри усмехнулся:

– Я хочу треть прибыли, мистер Муни, помимо зарплаты. Сами понимаете, мне придется работать на несколько часов дольше, к тому же вспышка моя и лампочки, да и идея тоже. Я не буду этим заниматься, если вы не согласитесь.

– Побойся Бога, сынок! – запротестовал Муни. – Третья часть! Слушай, давай не будем из-за этого ссориться. Пусть будет четверть, и ты платишь за лампочки. Идет?

– Или треть, или ничего. Мне нужны деньги. Треть, или я выхожу из игры.

– А что, если я скажу «ничего»? – схитрил Муни. – И где ты окажешься?

– Я отправлюсь со своей идеей в «Моментальное фото». Они за нее ухватятся.

Муни чуть не свалился с кресла.

– «Моментальное фото»? – взвыл он. – Да это же шайка жулья! Какой бес в тебя вселился, Гарри? Ты же не бросишь меня ради этой дешевки?

– Почему же дешевки? Они были первыми и отлично делают свою работу. Если вы не изыщите возможности платить мне треть, то придется пойти к ним. Вопрос закрыт.

Муни начал было шуметь, но, заметив решимость во взгляде Гарри, понял, что разубедить его не удастся, и потому скрепя сердце сдался:

– Ладно, сынок, раз ты настаиваешь. Пусть будет треть. Но кто сделал из тебя бизнесмена? Зачем тебе нужны деньги?

– А кому они не нужны? – спросил Гарри, краснея.

Некоторое время Муни внимательно смотрел на него и затем воскликнул:

– Черт возьми! Уж не надумал ли ты жениться? Для этого тебе деньги? Какая-нибудь дамочка, а?

Гарри направился к двери:

– Не будем в это вдаваться, мистер Муни. Я схожу домой и возьму вспышку. Можно сегодня же начать.

– Ладно, сынок. Потом зайдешь, расскажешь, как дела. Я буду здесь до половины одиннадцатого. Так что не задерживайся.

– Хорошо, – сказал Гарри, выходя.

– Эй, Гарри! – окликнул его Муни.

Гарри помедлил в дверях:

– Да, мистер Муни?

– Какая она, сынок? Хорошенькая, а? Ты ее уже поймел? – И Муни зажмурил один глаз и хитро прищурился.

– Не понимаю, о чем это вы, – сердито ответил Гарри и чуть ли не бегом бросился из конторы.

Муни откинулся в своем кресле и запел громким, немелодичным голосом: «Нет ничего прекраснее любви».

Глава седьмая

Ночь выдалась лунной. Дул сухой холодный ветер, но Гарри это не заботило. Главное, не было дождя. Для работы он выбрал Лестер-сквер и теперь, когда к десяти часам у него осталось всего три лампочки, уже знал наверняка, что идея работала.

Он сделал более пятидесяти снимков и был уверен, что ошибся не больше чем в пяти процентах случаев. Он тщательно выбирал модели, и ни разу у него не возникло проблемы с вручением визитки. Фотография, сделанная на улице при помощи вспышки, казалось, притягивала народ. Может, потому, что на Лестер-сквер фотографировались кинозвезды, юноши и девушки воображали, что на эту ночь внезапно сделались знаменитыми. Гарри чувствовал, что здесь была какая-то связь.

«Это порадует Муни, – думал Гарри, перематывая пленку и вкручивая очередную лампочку. – Еще пара снимков, и сворачиваюсь».

Через несколько минут народ начнет выходить из кинотеатров – нечего и пытаться снимать в такой толпе. К тому же Гарри замерз. Он простоял напротив фонарного столба перед кинотеатром «Уорнер-синема» добрых два с половиной часа. Было холодно, и ему уже хотелось оказаться дома.

Он посмотрел в сторону Лондонского ипподрома. В это время народу там было немного. Вдалеке он заметил мужчину и женщину, которые шли со стороны Лонг-Акра. Гарри наблюдал за ними, держа камеру наготове, и вдруг, когда на них упал яркий свет от ипподрома, он узнал девушку: это была Клэр!

Он сразу почувствовал, как забилося сердце.

Секунду-другую Гарри колебался, не зная, хочет ли, чтобы она его увидела. «Но какое это имеет значение? – подумал он. – Она знает, чем я занимаюсь, да и чего мне стыдиться?» К тому же это была чудесная возможность заполучить ее фотографию.

Клэр уже находилась на расстоянии нескольких ярдов. Она шла рядом с мужчиной, светлое пальто было накинуто на плечи, пустые рукава колыхались на ветру.

Гарри не успел разглядеть мужчину, заметил только, что тот высокий и грузный. Гарри поднял камеру, навел объектив на Клэр. Она смотрела прямо на него. Гарри не мог видеть выражение ее лица, но вскинутый внезапно подбородок и чуть замедленный шаг говорили о том, что она догадалась, в чем дело. Затем одновременно сверкнула вспышка и щелкнул затвор.

Гарри мельком увидел ее лицо в потоке яркого белого света. Клэр смотрела прямо на него; затем, улыбаясь, он протянул ей визитную карточку.

Она прошла мимо, резко отвернувшись, задев его руку так, что он выронил визитку. И даже не оглянулась, словно они были незнакомы.

Гарри беспомощно смотрел ей вслед.

Кто-то тронул его за плечо. Он быстро обернулся и увидел того самого мужчину, который шел рядом с ней.

Гарри сразу не понравилось розовое мясистое лицо и колющий взгляд маленьких глазок.

– Не очень-то мне это по вкусу, – вкрадчиво произнес Бреди. – Чем ты тут занимаешься?

Гарри быстро нагнулся, поднял визитку и протянул ее Бреди.

– Простите, если напугал, – сказал он, прикидывая, кем мог быть этот жирный мошенник. – Вас только что сфотографировали – вас и юную леди. Если вы заглянете завтра по этому адресу, снимки будут готовы. Покупать не обязательно.

– Как интересно, – ответил Бреди, сверкнув золотыми зубами. – А я подумываю о том, чтобы позвать полицейского. Вы, пристава, настоящий бич. Следует запретить вам промышлять на улицах.

Гарри почувствовал, как кровь ударила в лицо.

– Вам не обязательно покупать фотографию, если не желаете, – сказал он, стараясь говорить сдержанно. – Большинству людей нравится, когда их фотографируют.

– Я не отношусь к большинству, милый малыш, – произнес Бреди, игнорируя тот факт, что Гарри был выше на целый дюйм, и порвал визитку. – Если ты еще раз ко мне сунешься, я сдам тебя в полицию.

Прежде чем Гарри сообразил, как следовало бы ответить, Бреди ушел.

Ветер треплет полы черного пальто с квадратными плечами, руки засунуты в карманы брюк, фетровая шляпа лихо надвинута на один глаз – незнакомец скрылся в одном из переулков, ведущих к Лисл-стрит, оставив разгоряченного и рассерженного Гарри смотреть ему вслед.

Это происшествие испортило весь вечер. Почему Клэр так обошлась с ним? Может, она его не узнала? Иначе она, конечно, не прошла бы мимо, не сказав ни слова, будто они никогда не виделись.

Кем был этот жирный тип с видом отъявленного мошенника? Неужели это один из работодателей Клэр? Почему-то Гарри в это не верилось.

Он сердито смотал пленку и положил в карман. Что ж, по крайней мере, теперь у него была ее фотография. А это уже кое-что.

Толпы зрителей, выходящих из пяти кинотеатров на Лестер-сквер, начали заполнять площадь, и Гарри решил заглянуть в ателье, а оттуда пойти домой.

Он тоже свернул в боковую улочку, ведущую к Лисл-стрит. Не считая пары немолодых проституток на углу, которые окликнули его, улица была пуста.

Гарри успел пройти только несколько ярдов по темному узкому переулку, когда кто-то сзади тихонько свистнул. Гарри обернулся, всматриваясь в темноту.

Коренастый малый быстро выступил из мрака. В слабом свете уличного фонаря Гарри разглядел, что у него белесые волосы и нет шляпы. На нем был черный костюм и черная рубашка. При тусклом освещении можно было различить только лицо мужчины – его фигура сливалась с ночной тьмой.

– Чем могу помочь? – спросил Гарри.

Он подумал, что мужчина, вероятно, заблудился. Тот остановился в нескольких футах от Гарри. Свет фонаря осветил его светлую шевелюру, но лицо оставалось в тени.

– Ты тот парень, который только что фотографировал? – спросил незнакомец. У него были тонкие губы и низкий гнусавый голос.

– Да, – удивленно ответил Гарри. – Разве что-то...

Он отпрянул, когда незнакомец надвинулся на него, инстинктивно понимая, что ничего хорошего ждать не приходится. В темноте Гарри успел заметить кулак и уклонился от удара, качнувшись вбок. Но тут же он понял, ощутив внезапно нахлынувший страх, что это обманное движение. Он отчаянно попытался увернуться от следующего удара, но уже потерял равновесие, споткнулся о поребрик и упал на одно колено.

Что-то ударило Гарри в висок. Его ослепила вспышка света, и затем он, казалось, стал проваливаться в густую удушливую темноту.

Глава восьмая

Клэр узнала Гарри. Но заметила его слишком поздно, чтобы увести Бреди подальше, и сердце ее упало, когда сверкнула вспышка. Бреди будет в ярости – в этом она не сомневалась. Она прошла мимо, словно незнакомка, полагаясь на то, что Бреди не узнает фотографа. Она надеялась, что Бреди оставил мысль заполучить триста фунтов, имевшихся у Гарри, и хотела любым способом развести их подальше друг от друга.

Клэр не оглянулась, когда Бреди остановился, чтобы поговорить с незадачливым фотографом. Стоило ей проявить интерес или беспокойство, Бреди немедленно обо всем догадался бы, потому она устремилась дальше, сгорая от волнения и желания знать, что он наговорил.

Она пошла по Лисл-стрит в клуб «Тамайами», ненадолго остановилась, чтобы оглянуться, и поднялась по ступенькам к двери. Ей хотелось вернуться и посмотреть, как ведет себя Бреди, но она взяла себя в руки. Клэр надеялась, что Бреди не будет слишком груб, и стала придумывать, как объяснит все это Гарри при их следующей встрече.

Народу было мало. Бармен в белом пиджаке направился к ней вдоль полукруглой стойки, вопросительно вскинув выщипанные брови. Его бледное лицо осталось безразличным, как и желто-зеленые глаза в обрамлении накрашенных ресниц.

– Привет, – произнес он, облакачиваясь на прилавок и жеманно улыбаясь. – Тихо, правда? Из парней пока что никого. Вчера тут был один новенький. Ужасно настырный. Подожди, сама увидишь.

– Налей мне виски и заткнись! – сказала Клэр и повернулась к нему спиной.

Из дамской комнаты вышла девушка: полная блондинка с глазами навывкате и похожим на капкан ртом. Она под села к Клэр у стойки.

– Привет, Бебс, – безразлично бросила Клэр и протянула ей портсигар.

– Привет, дорогая! – восхищенно приветствовала ее Бебс, с завистью глядя на платье. – Какая чудесная вещь! Идет тебе. Каждый раз, когда тебя вижу, ты в чем-нибудь новеньком. Как тебе это удается? – Она взяла сигарету. – А где Бобби?

– Сейчас подойдет, – сказала Клэр, подвигая бармену купюру в десять шиллингов. – Выпьешь?

– Что ж, пожалуй. Большой виски, Хиппи, – сказала она бармену. – Какая у тебя отличная прическа!

– Ты правда так считаешь? – спросил он, вытягивая шею, чтобы посмотреть в зеркало. – Мне очень приятно. Я подстригся вчера. Неплохо, да? Наверное, чуть коротковато, но эти скоты так и норовят тебя обкорнать, если за ними не следить.

– Заткнись и проваливай, – сказала Клэр.

Хиппи налил виски, хмуро взглянул на Клэр и удалился.

– Не стоит с ним так, – сказала Бебс. – Ты ранишь его чувства.

– Именно это я и делаю, – зло проговорила Клэр. – Терпеть не могу таких. – Она подвинула Бебс выпивку, заметив, как ужасно та выглядит. – Как ты? Выглядишь усталой.

– О, так и есть, дорогуша. Я совершенно разбита. Не знаю, что со мной такое. Иногда у меня бывают жуткие боли. Это пугает меня до смерти.

Клэр внимательно оглядела круглое нездоровое лицо. Бебс слишком много пила, принимала наркотики, все время торчала на улицах, причем вела такую беспорядочную жизнь уже многие годы. Не было ничего удивительного в том, что ей нездоровилось.

– Тебе нужно обратиться к врачу.

Бебс замотала головой.

– Я боюсь, – сказала она, понизив голос. – Не могу отделаться от мысли, что это рак. Правда. Лучше я буду терпеть боль, не зная наверняка.

– Не будь душой! – резко оборвала ее Клэр. – Это, скорее всего, несварение желудка.

– Вот и Тедди твердит то же самое. – Бебс вздохнула, расчувствовавшись. – Знаешь, Клэр, дорогая, я все удивляюсь, почему ты не заведешь себе дружка. Это ведь совсем другое дело. Тедди такой лапушка. Чего только он для меня не делает! Всегда меня дожидается, готовит мне выпить, греет мои тапочки у камина. Я была так одинока, опротивела себе, но с ним все изменилось. Тебе надо найти какого-нибудь хорошего парня... чтобы рядом кто-то был. Правда надо.

– Но ведь Тедди обходится тебе недешево? – спросила Клэр с сомнением.

– Ну, милая моя, бедный ягненок должен иногда себя радовать. Конечно, он любит все самое дорогое, но это ведь простительный недостаток? Значит, у Тедди есть вкус. – Глаза Бебс приняли мечтательное выражение. – Он изменил мою жизнь. Тебе следует найти друга, Клэр.

– Хватит с меня Бобби! – резко ответила та.

– Ну, он же не в счет. У женщины должен быть кто-то, за кем нужно приглядывать. Никто не может приглядывать за Бобби. У него слишком много денег и слишком независимый нрав. И он очень властный, так ведь, дорогуша? Ты не обиделась, что я это говорю?

– Нет, – равнодушно произнесла Клэр.

– Тебе нужен кто-то вроде Тедди. Кто будет благодарен за все, что ты для него делаешь. Это дает чувство, что ты делаешь... что-то стоящее.

Клэр допила виски. Еще не так давно она убеждала Бебс, что та дура, если содержит Тедди, но теперь Клэр не была в этом так уверена. Ей было одиноко. Гарри не шел у нее из головы. Чем больше она думала о нем, тем больше он ей нравился. Бебс говорила правду. Заботиться о таком юноше – стоящее дело.

Вошел Бреди и уселся рядом с Клэр. Он бросил сердитый взгляд на Бебс.

– Давай поторопись! – рявкнул он. – Нечего здесь болтаться! Нужно зарабатывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.